Валентин Саввич ПИКУЛЬ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 63-м году жизни скончался известный советский писатель, участник Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького Валентин Саввич Пикуль.

В. С. Пикуль родился в 1928 году в Ленинграде. В 1941 году, в тринадцать лет, поступил в школу юнг Военно-Морского Флота СССР. С 1943 года до конца войны служил на Северном флоте на эскадренном миноносце «Грозный».

Начало творческой деятельности В. С. Пикуля относится к 1948 году. Его первый роман «Океанский патруль», вышедший в 1954 году, показал, что в советскую литературу пришел самобытный художник, посвятивший свой талант военно-патриотической теме, пропаганде героико-революционных традиций отечественного флота. Широкую известность приобрели романы Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17», «Крейсера», «Моонзунд».

Особую страницу творческой биографии В. С. Пикуля составляют книги, рассказывающие о малоизвестных эпизодах истории Российского государства, романы «Баязет», «Богатство», «Каторга», «Пером и шпагой», «Слово и дело», «Фаворит» и другие.

Творчество В. С. Пикуля отличают высокий гражданственный пафос и патриотическая направленность. Писатель большого художественного и исторического поиска, Валентин Пикуль пользовался самой широкой читательской популярностью. Его книги прививают интерес к страницам прошлого, воспитывают героические характеры, любовь к отчей земле.

Заслуги В. С. Пикуля высоко оценены Советским государством. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями.

Светлый образ замечательного советского писателя Валентина Саввича Пикуля навсегда сохранится в памяти советских людей.

М. С. Горбачев, Ч. Т. Айтматов, Ю. В. Бондарев, Б. В. Гидаспов, Н. Н. Губенко, А. Я. Дегтярев, А. С. Дзасохов, Б. Н. Ельцин, Э. Ю. Зимин, В. А. Ивашко, А. С. Капто, В. В. Карпов, А. И. Лукьянов, С. В. Михалков, В. И. Панин, И. К. Полозков, Е. М. Примаков, В. Г. Распутин, А. П. Рубикс, Н. И. Рыжков, И. С. Силаев, И. Т. Фролов, В. Н. Черкавин, Н. Н. Шляга, Д. Т. Язов.

В последний путь

19 июля Москва проводила в последний путь известного советского поэта, участника Великой Отечественной войны, лауреата Государственной премии СССР Михаила Львовича Матусовского.

В траурном убранстве Центральный Дом литераторов, где не раз раздавался голос талантливого поэта, где звучали его стихи, ставшие песнями, взволновавшие столько людей в нашей стране и далеко за ее пределами. В зале на постаменте установлен гроб с телом покойного. Здесь множество венков. Отдать дань уважения памяти замечательного художника, поэта-интернационалиста пришли деятели культуры, представители общественности, однополчане М. Л. Матусовского, с которыми он прошел трудными дорогами Великой Отечественной, многочисленные почитатели его вдохновенного таланта.

Похороны М. Л. Матусовского состоялись на Новокунцевском кладбище.

(ТАСС).

т стра
лио

как его только не называли — и меч
и», и оскорбительно — «пинко» — р
его — просто сердце, которому никак
их тяжелых операций. Уилленса хор
ним и у нас — в московских Черем
, и в Кингисеппе под Ленинградом,
ду.
Гарольда Унлленса можно написать т
ватит зоображение многих. Впрочем,
то он уже удобно устроился в кресл

номфорт, росли дети, заботлнвая, любящая жена наводила уют в его разбросанных по американскому Западу домах. Но миллионеру чего-то недоставало. То и дело перед глазамн возникал увиденный ужас — повергнутые в атомный пепел японскне города. Он принялся нзучать проблему гонкн ядерных вооружений и чем больше узнавал, тем яснее понимал, что нашн две страны идут к взаимному самоубнйству.

— Почему бы не попробовать осуществнть и мою новую мечту — спастн мир от уннчтожения? — задумался я. На первых порах, может быть, я рассуждал прнмитнвно. И все же решил посвятить свою жизнь хотя бы попытке сделать все возможное, чтобы остановнть и повернуть вспять гонку ядерных вооружений, пробудить людей в моей стране, в СССР, заставить их увидеть то, что мне виделось совершенно отчетлнво...

Итак, через 15 лет после второй мировой, сколотив внушительное состояние, Гарольд Уилленс стал одержимым человеком. Начал с того, что принялся агитировать деловые кругн США выступить против войны во Вьетнаме. Создал организацию «Руководители бизнеса против вмешательства США во Вьетнаме», колесил по стране, ратовал, призывал, клеймил. Доказывал, что Вьетнам — не только трагическая ошибка США, но самое страшное — следствие чрезмерно милитвризованной американской политики.

Метаморфозы Га

О нем трубили газеты: Уилленс-де — сенсацня по типу той, которая до сих пор являет критерий американской журналистики — не то новость, когда собака укусила человека, а то, когда человек укуснл собаку. Его спрашивали на каждом углу с язвительным прищуром глаз: как же так? Вам наша система дала возможность нажить миллионы, а вы выступаете теперь против нее. Война ведь дает доходы, и, разумеется, бизнесмен должен ей только радоваться!

— Что и говорить, моя позиция была, мягко выражаясь, не очень популярной, но я считал, что должен был этим заннматься. Ни одни из тех, кто работал в компаниях, входнвших в список пятисот крупнейшнх, не присоединился к моей организацнн. Но постепенно меня стали поддержнвать руководители мелкнх фирм, которых в конечном нтоге набралось несколько тысяч. К нам, как нн удивительно, сталн прнслушнваться, на нас стали обращать внимание. Как-то мой знакомый, очень близкий к президенту Линдону Джонсону человек, сказал мне, что президент очень встревожен из-за нас. И было понятно почему. Джонсон заявлял народу, что вьетнамская война была священной, все, кто выступает против нее, либо «мягкотелы» в отношении коммунизма, лнбо у них плохо с головой. Сплотившиеся вокруг моей организацнн бизнесмены отнюдь не былн мягкотелы в отношении коммунизма и с головой у них было все в порядке...

Это была первая общественная акцня Уилленса — вскоре н создал другую организацню — «Просветительный фонд бизнесменов», платформа которой бы-

ПОЗДНИ

ны научные прогнозы,
щение нынешнего 124-
Страны восходящего
беспокойства стало бы-
ости на протяжении

Валентин ПИКУЛЬ

РАССКАЗ

Ртутный король России

В 1868 ГОДУ научный мир Европы испытал нервное потрясение: в знаменитой лейпцигской фирме братьев Брокгаузов случился пожар, истребивший немало научных трудов, уже готовых для типографского набора. Тогда же в поезде, идущем в Берлин, франтоватый молодой господин с элегантной бородкой встретил горько плакавшего старика. Успокоившись, тот сказал, что его слезы можно понять, а тем более простить:

— Заодно уж представлюсь — берлинский профессор Ценкер, двадцать лет жизни посвятивший составлению арабо-немецкого лексикона, который фирма Брокгаузов превратила в пепел.

— Представлюсь и я,— сказал франт, раскуривая сигару.— Александр Ауэрбах, горный инженер. Только что выбрался из рудников Плауэнской долины, где взорвались гремучие газы, убившие в штреках сразу триста шахтеров... Герр Ценкер, после этого несчастья у Брокгаузов что вы намерены предпринять?

— Судя по всему, вы тоже из немцев, а потому знаете, как мы, немцы, упрямы. Я вернусь в Берлин и стану составлять лексикон заново, чтобы угробить еще двадцать лет жизни.

Ауэрбах, как бы выражая сочувствие профессору, выдержал паузу, затем ответил, что он себя немцем не считает!

— Я сын врача из города Кашина и тверской дворянин. А вы — мой коллега по несчастью! Я составил таблицы микроскопического определения минералов, весьма горячо одобренные Горной академией Фрейберга, и вот... эти мои таблицы сгорели в одном пламени вместе с вашим арабо-немецким лексиконом.

— Ужас! — воскликнул Ценкер.— Наверное, вы, как и я, намерены восстановить сгоревшее? Сколько вам потребуется лет?

— Не лет, а недель,— усмехнулся Ауэрбах.— Но я, профессор, слишком берегу свое время, и здесь невольно проявляется моя широкая русская натура: я решил плюнуть на эти таблицы, чтобы заняться практической работой на благо России...

Бедный Ценкер! Он так и умер, не успев воскресить свой лексикон, а инженер Ауэрбах, исходя из неистребимого российского принципа «плевать на все!», сразу забыл о своих таблицах и укатил домой, чтобы со временем сделаться в обожаемой им России не кем-нибудь, а — «ртутным королем».

Да, читатель, были у нас разные короли — чайные Боткины, железочугунные Мальцевы, мануфактурные Морозовы, игольные Гиршманы, булочные Филипповы, стекольные Бахметевы, сахарные Бродские, фарфоровые Кузнецовы, гастрономические Елисеевы и прочие. А наш герой всколыхнул в сонных недрах земли тяжкие и ленивые облака ртути — вредной и всем нам очень нужной.

— Да что там ртуть! — говорил Ауэрбах под старость.— Если бы у нас в Неве крокодилы водились, я бы наверняка устроил на них охоту, чтобы выделывать прекрасные дамские сумки...

Дедушка Александра Ауэрбаха владел фаянсовой фабрикой в деревне Кузнецова, папа был доктором, а мама — дочь полковника Берггольца (из саратовских дворян). Детей тогда не баловали, на шее родителей они не засиживались. Саше Ауэрбаху не было и двенадцати лет, когда его спровадили в Горный Корпус, и не было ему двадцати, когда выпустили из Корпуса в чине поручика. Казна сразу отсчитала ему 21.000 рублей, его послали бурить у Царева кургана — на Волге, чтобы допытаться — есть ли там уголь? При этом поручик истратил лишь 16.000 рублей и был награжден за экономию орденом св. Станислава. Горный Корпус стал тогда просто институтом, военные чины отменили, Ауэрбах превратился в титулярного советника, которому, если верить словам известного романса, на генеральскую дочь лучше и не за-

ной жизни не посулю: поскучай в Таганроге, а я буду мотаться по холмам Донбасса...

ПЕРВЫЕ русские рельсы, по которым помчалась Россия, были прокатаны в Юзовке (ныне город Донецк), где англичанин Джон Юз владел и угольными копями. Хотя этот Юз и просил называть его «Иваном Ивановичем», но русский язык он так и не освоил. Ауэрбах в поисках угля, конечно, не раз навещал Юзовку, где колония англичан имела клуб, устраивала конные скачки, евреи обзавелись синагогой и хедерами, а русские, если им не хватало места в бараках, отрывали норы, будто кроты, а из недр земли они посылали всех «подальше». Александр Андреевич в записках своих не забыл отметить, что «у русских англичане заимствовали только одно: нашу брань и питие водки, которая пришлась англичанам по вкусу и которой они так злоупотребляли, что многих из них Юзу пришлось отправить обратно в Англию...»

Наконец, Ауэрбах сыскал два угольных месторождения — коксового близ Юзовки, а второй уголь (с пламенным горением) нашел ближе к Днепру. Но земли, которые он пронзал бурами, были не казенными — частными. Петр Николаевич Горлов, основатель знаменитой «Горловки», где он заложил могучие шахты (носившие потом имена Ленина и Сталина),— вот этот горный инженер, отлично знавший всю область (позже названную Сталинской), однажды предупредил Ауэрбаха, когда они совместно парились в бане:

— Уголь, найденный вами, укрылся от людей на землях братьев Рутченко и господина Шабельского. А эти помещики не дураки, чтобы своих огурцов и помидоров лишаться, лишь бы доставить удовольствие вашей французской компании. Понимаете?

Ауэрбах понимал и, прихватив из Таганрога жену, не раз мотался в Париж, доказывая прижимистым французам, что Рутченко в Шабельский пока еще скромны в своих желаниях, но пройдет время, в этих местах загугукает паровоз, и тогда...

— ...тогда огурцы с помидорами будут стоить дороже! У господина же Шабельского еще многотысячное стадо тонкорунных овец, которых на мясо он резать не станет... где их пасти? Вы, французы, живущие в Париже, желаете сэкономить су, тогда как через год-два вы потеряете тысячи франков...

Возвращаясь из Парижа, Ауэрбах был в дурном настроении.

— Соня, ты была ли когда бедной? — спросил он жену.

— Нет, Саша, а... что?

— Думается, ублажать этих европейцев мне скоро надоест, просить же профессора Еремеева о возвращении на кафедру минералов стыдно, и вот... Не придется ли нам сидеть на бобах?

— У тебя, дорогой, слишком широкие замашки, ты больше похож на купца, а никак не на дворянина,— упрекнула его жена.— Твой папа в Кашине, ты сам мне рассказывал, брал с пациентов по гривеннику, и нужды вы не испытывали. А ты гребешь деньги лопатой и... Впрочем, я тебя люблю и последний бобик разделим пополам. Но прежде скажи — что ты еще задумал?

— Скоро узнаешь,— огрызнулся Ауэрбах...

Скоро он порвал с французской компа-

Ауэрбах выстроил для таких шахтеров отдельные домики, довольный тем, что довольны люди, и сами же углекопы потом ему признавались:

— Коли вы из землянок нас вытащили да на чистую постель уклали, так нам самим жить по-людски захотелось, чтобы прохожие от нас не шарахались. Ну а коли когда и расколем бутылку, так вы не серчайте на пьяных... без этого нам нельзя!

...Вся эта прежняя жизнь в Донбассе поминалась потом на столичных пажитях, как лакомый кусок молодости, а будущее настораживало. Ауэрбаха причислили чиновником в Главное Горное управление, но делами не отягощали. Но уже подрастали трое его сыновей — пора о них думать. Александр Андреевич заранее предупредил жену, что судьба, оторвав его от юга, поворачивается к северу: его начали соблазнять службою миллионер Асташев, графы Шувалов и Воронцов-Дашков, владевшие золотыми приисками в тех краях, где хорошо бы волков морозить.

— Сонечка,— сказал он жене,— мне уже скоро тридцать пять лет, но до сей поры мои знания и моя житейская сноровка обогащали только других. Не пора ли, я думаю, взяться за дело, чтобы обеспечить детей и принести пользу Отечеству?

Софья Павловна однажды ездила в Тамбов, чтобы навестить своих родичей, а вернувшись в столицу, сообщила мужу, что наследники тамбовского богача Башмакова, недавно умершего, желали бы видеть его своим управляющим. Будучи в Мариинском театре, Ауэрбах случайно встретил балетомана Скальковского, дельца и писателя, тоже из горных инженеров.

— Костя, брать ли мне башмаковские прииски?

— Тамошняя медь дороже золота,— посоветовал Скальковский.

— Чего в округе не хватает?

— Ума и морали.

— Ты рассуждаешь, как писатель, а меня волнует иное...

Богословский округ (ныне там городишко Карпинск) в давние времена принадле-

жал масону Походяшину, который делился доходами со знаменитым Н. И. Новиковым, издававшим книги для мистического понимания. Сколько лет прошло с той поры, а этот округ, вписанный в северный угол Пермской губернии, оставался для русских так же ведом, как и жюль-верновская Патагония...

— Надо ехать,— сказал Ауэрбах,— в эту дыру.

— Что ты, милый, всегда выбираешь какие-то «дыры»?

— Но через эти «дыры» лучше видится будущее России...

ПРИЕХАВ, Ауэрбах понял, что здесь уже конец света. Сам поселок заброшен, половина домов заколочена, жители разбегались, на дорогах грабили, население в основном составляли потомки каторжан или беглые, на приезжих они глядели, как волки на барашков. Было лето, на вершинах окрестных гор, поросших хвойным лесом, снег еще не растаял. Еда была отвратительная, хлеб невыпеченный. На приисках шевелилось золотишко, удобное для хищений, а сам медеплавильный завод напоминал громадный сарай.

Ауэрбаха прежде всего поразила всеобщая

пудов меди, а он довел выплавку до 50.000 пудов, и произошло второе чудо — перестали убегать, напротив, люди съезжались в Богословск, заколоченные дома вновь задымили печами, пришлось строить новые,— так возникали новые улицы.

Александр Андреевич собрал на базаре народную сходку.

— Теперь, когда вы у меня малость разжились, я стану вас грабить... Не смейтесь! С этого дня каждый из вас будет отдавать два процента приработка в пользу общественного капитала, чтобы обеспечить пострадавших в труде, кого бревном придавило или обожгло у горна, чтобы создать при заводе детские ясли и, наконец, чтобы вы, звери, по вечерам в театр ходили...

Теперь на все были согласны. Потому что поверили.

Проездом через Пермь он навестил губернатора.

— Что вы еще придумали? — осведомился тот.

— Увы, не я придумал электричество, не мною изобретен водопровод, но все это необходимо для того, чтобы в моем Богословске люди жили не хуже, чем рабочие в Бельгии... Смешно?

— Нет,— сказал губернатор.— У меня для вас новость, вернее, две новости сразу. Первая: для создания Сибирской магистрали скоро понадобится неслыханное количество рельсов, и одному Джону Юзу не справиться. Так что подумайте на досуге о налаживании рельсопроката. Вторая же новость такова: наследники Башмакова решили продавать весь Богословский округ.

— Обратно в казну?

— По слухам,— отвечал губернатор,— Богословские заводы, как и золотые прииски, покупает какая-то очень знатная дама. Впрочем, в Петербурге вы все в подробностях и узнаете...

Подробности таковы. Когда-то к порогу дома банкира Штиглица подкинули двух девочек-младенцев, и одна из них, Надежда Михайловна, стала женою статс-секретаря Половцева, который ее приданое тратил на создание знаменитого училища Штиглица (а

ныне, читатель, названного именем Веры Мухиной).

Надежда Михайловна, узнав о появлении Ауэрбаха в столице, просила навестить ее в лужском имении Рапти. На берегу озера, где плавали белые и черные лебеди, она жила в сказочном дворце, наполненном сокровищами искусства (теперь там колхоз, а дивные скульптурные изваяния я сам видел в кучах навоза на скотном дворе). Половцева сказала Ауэрбаху, что покупает Богословский округ за шесть миллионов рублей.

— Дешево, правда? — поиграла она глазами.

— Сущая ерунда! — бодрым смехом откликнулся Ауэрбах.

— А я хотела вас видеть, чтобы просить остаться управляющим округом. Обещаю слушаться вас, словно паинька...

Ауэрбах понял: там, где о шести миллионах говорят как о шести рублях, можно не стесняться в расходах. Он сказал женщине, что согласен остаться в Богословске с условием, если мадам Половцева уделит толику на создание железной дороги.

суда. Будь другом, пристрой меня в своем Богословском округе... Ей-ей, а?

Ауэрбах подумал. Прикинул. Ответил:

— Чудак ты, Алешка! Надо искать иной выход.

— Какой? — спросил друг, выпивая.

— Закуси,— отвечал Ауэрбах.— Лучше я сейчас дам тебе толику денег для уплаты долгов, а ты... о чем думаешь?

— Продать эту ртуть и больше с нею не связываться.

— Так вот,— заключил Ауэрбах,— ты ртуть не продавай.

— А почему?

— Я сам куплю у тебя этот прииск.

Договорились, что Миненков вернется в Бахмут и как только сойдет снег, сразу вызовет его к себе телеграммой.

— Извещай фразою «снег сошел» — и я пойму.

Так вредная и полезная ртуть вошла в его жизнь!

Но о короне ртутного короля Ауэрбах еще не помышлял...

Софья Павловна, навещавшая мужа в Богословске, заметила на улицах попрошаек-сирот. От местных женщин она узнала, что девицы беременеют и, чтобы избежать позора вселенского, делают себе аборты, отчего многие и помирают. Об этом говорила с мужем еще при наследниках Башмакова, которые не были горазды на дела милосердия, и Александр Андреевич отвечал жене:

— Не спорю, родильный приют надобен. Но денежки на него ты, моя дорогая, выкладывай из своего ридикюля...

Когда же округ стал владением Половцевых, он завел в городе приют для сирот. Со всей округи в Богословск свозили бездомных детей, девочек обучали уходу за коровами, мальчики осваивали ремесла, осенью дети ходили в лес, собирали грибы и ягоды на зиму. А мадам Половцева была человеком щедрым:

— Даю вам карт-бланш на любую сумму, и делайте что хотите, ибо я сама из подкидышей, потому и понимаю, как необходимо для утверждения нравственности все доб-

рое... Простите, Александр Андреевич, я, кажется, вас перебила?

— Да нет,— сказал Ауэрбах,— у меня не выходит из головы грешная мысль о создании в Богословске театра, наконец, рабочим надобно читать лекции — о природе, по истории, всякие

— Да, да, да! И пусть театр будет бесплатным.

— Ни в коем случае! — горячо возражал Ауэрбах.— Когда в наших аптеках дают больным бесплатные лекарства — так надо. Но нельзя развращать людей мыслью о доступности мира искусства. Нет! Пусть рабочий с женою выложат в кассе хотя бы гривенник, чтобы знали — музы берут с людей пошлину...

Платный театр он создал, а вот лекции для рабочих нарочно сделал бесплатными, зато в дверях клуба поставил дядю Васю, чрезвычайно опытного по части выпивки и похмелки, и тот, за версту почуяв неладное, вопрошал со всей строгостью:

— А ну дыхни, мать твою за ногу! Выпил — иваа!

— Дядь Вась, да это ишо опосля вчерашнего.

— Приходи завтрева, и чтобы — ни-ни, иначе нельзя...

— Нет, моя милая, на этот раз в Испанию.

...Как ранее и договорились за выпивкой, Алеша Миненков вовремя известил о том, что «снег сошел», а Ауэрбах тогда же — по весне — осмотрел бахмутские месторождения ртути. Сомнений не было: можно смело закладывать шахты, чтобы добывать руды, насыщенные ртутью. После этого он и отправился в Испанию — в знаменитый Альмаден, где находился главный ртутный прииск, поставлявший ртуть всему миру. В дороге Ауэрбах припомнил даже Плиния, у которого сказано, что древний Рим когда-то закупал в Испании громадное количество ртути — громадное!

— Им-то она зачем понадобилась? Правда,— рассуждал Миненков,— в древности, пардон, лечили запоры вливанием в больного ртути, благо она своей тяжестью способна выбить из человека любую «пробку», возникшую от обжорства...

Ауэрбах от истории возвращался к насущной практике:

— Россия до сих пор своей ртути не имеет, а если нашей ртути хватит только на градусники, чтобы измерять температуру, или на то, чтобы выделывать зеркала,— так и это хорошо...

Осмотрев Альмаден, навестили и австрийскую Идрию, где тоже была добыча ртути; по дороге на родину Ауэрбах был задумчив: опыт испанцев, хотя и древнейший, ничего не дал ему, зато вот новейший опыт австрийцев он решил перенять для себя.

— Премия от мадам Половцевой пришлась кстати,— сказал он жене по возвращении.— К этой премии, Сонечка, приложим все наши сбережения, чтобы Россия обрела свою ртуть...

Но ему предстоял тяжелый разговор с Надеждой Михайловной Половцевой. Красивая и эффектная женщина, она предстала перед ним, словно сошедшая с тех портретов, что писали с нее Жалабер, Крамской и Каролюс-Дюран.

— Итак,— начал Ауэрбах,— завод и город, закрепившие ваше имя в истории государства, я для вас, мадам, построил. Поезда из Санкт-Петербурга до Владивостока катятся по вашим рельсам. У вас своя флотилия из восьми пароходов и сорока барж. В богадельнях и приютах Богословского округа старики и дети молят бога о вашем здравии, а я... я пришел с вами прощаться.

— Вы чем-то недовольны, мой друг?

— Напротив, мадам, я доволен всем. Но, поймите меня правильно, таков уж у меня неспокойный характер: я не могу долго стоять на одном месте — я должен танцевать!

— Так вы и танцуйте... в паре со мной.

Ауэрбах внятно растолковал женщине: Богословск, где главное уже сделано, становится для него тесен, словно клетка для зверя, а ему необходим простор для новых прыжков.

— Наконец, пора мне подумать и о возрасте, который заставляет меня спешить, и вы, дражайшая Надежда Михайловна, не пытайтесь удерживать меня. Лучше расстанемся друзьями...

Расстались. Но Миненкова он уже не отпускал от себя:

— Ты первым начал, вот и надрывайся заодно со мною. Если ранее годовое потребление ртути Россией не превышало четырех тысяч пудов, так давай, братец, и мы станем пока придерживаться в добыче ртути именно этой цифры...

Русский рынок получил свою ртуть, но дешевизна ее добычи заставила Ауэрбаха думать о вывозе ее на рынок европейский, вступая в единоборство с ртутью испанской и австрийской. От завода протянулись подъездные пути — и ртуть, коварная и обольстительная, словно порочная женщина, тяжело и густо, переливаясь фальшивым серебром потекла за границу. Уже в 1897 го-

Дедушка Александра Ауэрбаха владел фаянсовой фабрикой в деревне Кузнецова, папа был доктором, а мама — дочь полковника Берггольца (из саратовских дворян). Детей тогда не баловали, на шее родителей они не засиживались. Саше Ауэрбаху не было и двенадцати лет, когда его спровадили в Горный Корпус, и не было ему двадцати, когда выпустили из Корпуса в чине поручика. Казна сразу отсчитала ему 21.000 рублей, его послали бурить у Царева кургана — на Волге, чтобы допытаться — есть ли там уголь? При этом поручик истратил лишь 16.000 рублей и был награжден за экономию орденом св. Станислава. Горный Корпус стал тогда просто институтом, военные чины отменили, Ауэрбах превратился в титулярного советника, которому, если верить словам известного романса, на генеральскую дочь лучше и не засматриваться...

ПРОФЕССОР П. В. Еремеев как-то поманил его пальцем:

— Идите-ка сюда, милейший... Так же нельзя! — сказал он.— Всей России-матушки вам все равно не пробурить, и нельзя забывать о будущем. Я держу вакантной должность адъюнкта по кафедре минералогии, а вы... О чем думаете, милейший?

Сильный и подвижности, очень активный, Ауэрбах, может, и не стал бы «возиться» с диссертацией, но сказочный мир турмалинов заманил его в волшебную игру минералов, и диссертацию он защитил, когда ему исполнилось 24 года. Еремеев сказал:

— Очень хорошо, милейший... Но ученый только тогда становится ученым, когда он пронаблюдает, что делают его коллеги за границей. Вот и езжайте. Я дам вам рекомендации к профессорам Деклуазо, Рихтеру и Шрауфу... Сколько вам надобно времени?

— Хотя бы годик,— прикинул Ауэрбах.

На целый год его отправили в Европу и вскоре «Горный Журнал» стал получать от него научные статьи. Ауэрбах исследовал целестин, лабрадор и топаз, изобрел гониометр для измерения кристаллов, в Горной академии Фрейберга он слушал лекции, осмотрел в Европе все горные коллекции, которым составил научную опись — для публикации, а потом вернулся на родину.

— Ну-с, милейший,— встретил его Еремеев,— приступайте... Вам светит очень яркая звезда профессуры!

Читать лекции студентам он не любил. Как раз в те годы началась «угольная горячка», искали залежи каменного угля в Подмосковном бассейне, куда хлынули иностранцы и русские. Ауэрбах выезжал на разведки запасов угля, соблазненный гонорарами от лондонского банкирского дома «Томсон и Бонар», но вскоре переметнулся к французам, которые уговорили его оставить профессуру, о чем он известил профессора Еремеева.

— Павел Владимирович,— сказал он,— вы на меня не сердитесь, но стоять на одном месте не могу, я должен танцевать.

— Ну и черт с вами... танцуйте!

Французам он доказал, что качество подмосковных углей ниже тех, что таятся в недрах Донецкого бассейна. В это же время — проездом через Тульские края — Ауэрбах встретился с сестрами Берс, через них познакомился с молодым Львом Толстым, который тогда еще не взирал на мир из-под насупленных бровей, а был молодым и веселым офицером в отставке. У сестер Берс гостила Софья Берггольц (племянница писателя Евгения Маркова), и вся эта компания устроила пикник в вечернем лесу. Ауэрбаху очень понравилась Сонечка; улучив момент, он сказал ей:

— Я еще не знаю вас, но знаю вашу фамилию, ибо моя матушка носила ее же в девичестве. Однако... Что бы мне сделать для вас? Хотите, я подожгу вон тот стог сена?

— Зачем? — удивилась девушка.

— Тогда вы не сразу меня забудете...

В январе 1872 года они уже сыграли свадьбу и отправились на юг,— тогда на юг ездили не отдыхать, а работать.

В дороге Ауэрбах говорил жене, посмеиваясь:

— Не взыщи, моя прелесть, но волшеб-

— Соня, ты была ли когда бедной? — спросил он жену.

— Нет, Саша, а... что?

— Думается, ублажать этих европейцев мне скоро надоест, просить же профессора Еремеева о возвращении на кафедру минералов стыдно, и вот... Не придется ли нам сидеть на бобах?

— У тебя, дорогой, слишком широкие замашки, ты больше похож на купца, а никак не на дворянина,— упрекнула его жена.— Твой папа в Кашине, ты сам мне рассказывал, брал с пациентов по гривеннику, и нужды вы не испытывали. А ты гребешь деньги лопатой и... Впрочем, я тебя люблю и последний бобик разделим пополам. Но прежде скажи — что ты еще задумал?

— Скоро узнаешь,— огрызнулся Ауэрбах...

Скоро он порвал с французской компанией, решив пожить, как он говорил, «на подножном корму». Это случилось в 1876 году; тогда же он с женою перебрался жить в Петербург.

— Впрочем, я могу быть доволен,— рассуждал он.— Именно моими стараниями в Таганроге состоялся первый съезд горнопромышленников, и мы, горные инженеры, всколыхнули всю Россию! Скоро весь Донбасс начнет укладывать рельсы и шпалы новых дорог. Я уже вижу русский Манчестер с портами в Азовском море...

Говорить о Донбассе и умолчать о шахтерах было бы непростительно. Появилась как бы новая порода тружеников на Руси, и первые шахтеры были, скорее, изгоями общества, у которых паспорт лучше не спрашивай, иначе сразу «получишь в соску».

Когда Ауэрбах служил в Донбассе, Софья Павловна содержала у себя на кухне сразу трех беспаспортных: саперного поручика, от жены бежавшего, попа-расстригу, утекнувшего от гнева синодского, и купеческого сынка, от долгов удравшего,— все трое хозяйке раков ловили, чтобы она их с кухни не прогоняла. На шахтах Александра Андреевича лишь 100—150 человек имели паспорта, остальные же при найме говорили о паспорте так:

— Был! Но жена померла — с собою взяла...

Ауэрбах писал: «Сознавая, что от голодного нельзя требовать хорошей работы, я кормил своих шахтеров возможно лучше, отпуская на каждого по фунту мяса в день и давая им в обед по чарке водки». А соседние шахтовладельцы, кормившие своих работяг «кандером» из пшенки без масла, «чуть в революционеры не произвели меня из-за этого вот фунта мяса...»

Александр Андреевич жене говорил:

— Рабочий может быть доволен хозяином лишь в том случае, если увидит, что я могу присесть к их столу и поесть заодно с ними и с таким же аппетитом, с каким ем домашнюю пищу...

Так же поступал он и с виновными. Зная, как шахтеры боятся суда, Ауэрбах никогда не призывал полицию:

— Вмешиваться не стану — разберитесь сами.

«За разные проказы и буйства артельный суд в большинстве случаев приговаривал товарищей к телесному наказанию», и секли друзья своих друзей так, что полиция могла бы еще позавидовать. Воровства среди шахтеров никогда не было, а если такое случалось, вора выводили на базарную площадь, привязывали его на весь день к столбу, а на грудь ему вешали доску с надписью: «Не воруй, сволочь!»

Жилища у шахтеров Донбасса были попросту ужасные («у хорошего хозяина,— писал Ауэрбах,— скотина содержалась намного лучше, нежели наши несчастные шахтеры»), и потому он построил для них в Кураховке чистые добротные казармы, где для каждого был отведен угол. И случилось чудо: его углекопы вдруг стали бриться и ходить в баню, завели котелки и даже тросточки, а пьянство уменьшилось. Иные форсили часами перед девицами, вынимая их из кармашка жилета когда надо и не надо:

— Не желаете ли, мамзель, узнать точное время? Уж больно вы пронзили мое сердце, а потому извольте — уже пол-восьмого. Как раз время прогуляться нам до канавы, а потом и обратно...

Многие вызвали из деревень свои семьи.

дыру.

— Что ты, милый, всегда выбираешь какие-то «дыры»?

— Но через эти «дыры» лучше видится будущее России...

ПРИЕХАВ, Ауэрбах понял, что здесь уже конец света. Сам поселок заброшен, половина домов заколочена, жители разбегались, на дорогах грабили, население в основном составляли потомки каторжан или беглые, на приезжих они глядели, как волки на барашков. Было лето, на вершинах окрестных гор, поросших хвойным лесом, снег еще не растаял. Еда была отвратительная, хлеб невыпеченный. На приисках шевелилось ворошишко, удобное для хищений, а сам медеплавильный завод напоминал громадный сарай.

Ауэрбаха прежде всего поразила всеобщая нищета, viной чему были ничтожные заработки. Он даже ужаснулся, когда в цехе завода поговорил с пожилым плавильщиком.

— Сколько часов ты жаришься у плавильных печей?

— С шести утра до шести вечера.

— А сколько тебе платят в этом пекле?

— В день загребаю сорок пять копеек.

— Тут и загребать-то нечего. А сколько хлеб стоит?

— За пуд эдак рубля полтора.

— Как же ты живешь, братец?

— Как все, так и я...

Все жили отвратительно. И стало уж совсем тошно, когда вечером подслушал с улицы волшебный диалог двух аборигенов:

— Слышь! А где Степан-то?

— Да он дома севодни. Пьяный лежит.

— А ты кудыть?

— Похмеляться к Федору... Пошли вместях?

— Да я пошел бы. Не могу.

— Чего так?

— Меня Иван звал.

— А что у Ивана?

— Обещал выпивку. Вот иду.

— Я тоже. Пошел. Прощай, брат!

— Будь здоров, друг ситный.

— Заходи когда,— слышалось с улицы.— Может, выпьем.

— Зайду. Вместях похмелимся...

«Шекспир, где ты?» — подумалось Ауэрбаху, и свою первую встречу с местными властями он начал словами:

— Так жить нельзя. Пока не повысим ставки рабочим, пока водку не заменим театром и душеспасительными лекциями, от Богословска ничего ожидать нельзя, а сам округ обречен на вымирание. Жалуетесь, что бегут? Верно. Я бы и сам убежал.

— Александр Андреевич,— отвечали ему,— вы человек новый, всех наших дел знать не можете, а тут такая шваль собралась, что им не театр, а веревку надобно, чтобы всех перевешать...

Вернувшись в Петербург, он, обозленный, сказал жене:

— Мои беспаспортные шахтеры Донбасса, беглые и бродяги, сейчас представляются мне лишь наивными идеалистами по сравнению с теми, кого я увидел в Богословском горном округе...

Но, уже раззадорясь тем, что его, как последнего дурачка, высмеяли, сочтя Дон Кихотом, Александр Андреевич теперь уже сам просил назначить его богословским горным начальником.

— Только не мешайте,— предупредил он наследников покойного камергера Башмакова.— А тебе,— сказал он Софье Павловне,— предстоит какой-то немалый срок пожить вдали от меня...

Начал он круто, объявив рабочим, что станет платить не поденно, а лишь сдельно — по наглядным результатам труда. И сразу возник бунт, ибо порядки еще со времен Походяшина казались всем нерушимы, а в словах Ауэрбаха рабочие усматривали хитрый подвох. С этого времени он получал подметные письма с угрозами убить его. Но Ауэрбах не уступил никому, целый год прожив в небывалом напряжении нервов, зато тот же плавильщик стал получать не гроши, а сразу полтора рубля. После этого «рабочие прониклись полным уважением и преданностью к А. А., слово которого стало для них законом, а всякое его распоряжение исполнялось беспрекословно». До появления Ауэрбаха Богословский завод давал 17.000

дел в кучах навоза на скотном дворе). Половцева сказала Ауэрбаху, что покупает Богословский округ за шесть миллионов рублей.

— Дешево, правда? — поиграла она глазами.

— Сущая ерунда! — бодрым смехом откликнулся Ауэрбах.

— А я хотела вас видеть, чтобы просить остаться управляющим округом. Обещаю слушаться вас, словно паинька...

Ауэрбах понял: там, где о шести миллионах говорят как о шести рублях, можно не стесняться в расходах. Он сказал женщине, что согласен остаться в Богословске с условием, если мадам Половцева уделит толику на создание железной дороги.

— Сколько же верст вы ее планируете?

— Чуть более двухсот. Богословский завод протянет рельсы до станции Кушва Уральской железной дороги, а на реках Сосьва и Тавда надобно вам заводить собственное пароходство.

— Что еще?

— Электричество. Водопровод. Канализация. И... театр.

— Согласна и на театр,— отвечала Надежда Михайловна.

Ауэрбах поспешил повидаться с И. А. Тиме, профессором Горного института (это отец известной нашей актрисы Е. И. Тиме).

— Иван Августович,— сказал он ему,— я предлагаю вам прогулку по Европе, чтобы, высмотрев все самое лучшее в рельсопрокатном производстве, вы все это лучшее закупили для оборудования Богословских заводов. В средствах прошу не стесняться: мадам Половцеву нам все равно не разорить...

Профессор Тиме поклялся денег не жалеть. Был уже поздний вечер, когда Александр Андреевич, усталый за день от беготни, вернулся домой на Фонтанку, и жена еще в прихожей шепнула, что его давненько поджидает приятель молодости.

— Может, я ошибаюсь, но, кажется, он пришел выпивший и, очевидно, выжидает тебя, чтобы еще выпить.

— А-а, догадываюсь, что это Алеша Миненков. Здорово, дружище! — сказал Ауэрбах, заранее распахивая объятия, чтобы облобызать друга юности.— Ты откуда сейчас, бродяга?

— Прямо из Бахмута.

— Выпить хочешь?

— Не откажусь.

— Давненько не виделись. Рассказывай, что у тебя?

Рассказ А. В. Миненкова был печален, а выпивка печали его не развеяла. Он сообщил, что открыл под Бахмутом месторождение ртути (пожалуй, первое и пока единственное в России!), а теперь не ведает, как ему с этой ртутью развязаться.

— А что? Или многие отравились этой заразой?

— Хуже,— сказал Миненков.— Месторождение на крестьянской земле. Помещиков нету. Сам я небогат, посему составил товарищество на паях с местными дворянами. Но они, твари эдакие, потолкались вокруг да около, в успех разработок ртути не слишком-то уверовали, и компания распалась. А крестьянский «мир» хватает меня за глотку, чтобы платил по договору за наем их земель. У меня же одни долги, и боюсь

— Ни в коем случае! — горячо возражал Ауэрбах.— Когда в наших аптеках дают больным бесплатные лекарства — так и надо. Но нельзя развращать людей мыслью о доступности мира искусства. Нет! Пусть рабочий с женою выложат в кассе хотя бы гривенник, чтобы знали — музы берут с людей пошлину...

Платный театр он создал, а вот лекции для рабочих нарочно сделал бесплатными, зато в дверях клуба поставил дядю Васю, чрезвычайно опытного по части выпивки и похмелки, и тот, за версту почуяв неладное, вопрошал со всей строгостью:

— А ну дыхни, мать твою за ногу! Выпил — нельзя!

— Дядь Вась, да это ишо опосля вчерашнего.

— Приходи завтрева, и чтобы — ни-ни, иначе нельзя...

А жизнь шла своим чередом. У хорошего хозяина ничто даром не пропадает. Вот увидел Ауэрбах дым из фабричной трубы:

— Сколько ж добра на ветер вылетает! Надо подумать...

Сера, улетавшая в поднебесье при обжиге медных руд, побудила строить заводик для ее переработки. Зато из дыма явилась серная кислота, значит, для торговли ею потребны особые бутыли, нужно стеклянное производство. Но кислоты избыток, значит, опять ломай голову, Ауэрбах, думай, на то ты и хозяин.

— Чем черт не шутит! Пусть будет у нас и фосфорный завод, чтобы использовать избытки серной кислоты на месте.

— Для фосфора потребуется немало кости,— подсказали ему.

— А на что Сибирь-матушка, в которой чего-чего, а уж костей-то всегда наберется. Организуйте закупку...

Главное же сейчас — чугуноплавильный завод, чтобы дать Сибири гигантское количество рельсов для уникальной железнодорожной трассы. Одно цеплялось за другое, а люди едут и едут, значит, нужны жилища. За одну зиму дома срубили, по весне их поставили в ряд, вот тебе и улица, по вечерам освещенная электричеством, а в домах — водопровод и канализация... Однажды летом 1894 года Богословск посетила сама Надежда Михайловна Половцева и удивилась обществу этого города: ее встречали на пристани профессора, инженеры, студенты, артисты. Приехала же она не просто так, а ради серьезного разговора, о чем Ауэрбах и догадался с первого же ее вопроса

— Александр Андреевич, как вы ко мне относитесь?

— Видит бог — очень хорошо!

Половцева намекнула, сколько денег вылетело на строительство металлургического завода и нового города при этом заводе.

— Уйма денег! — согласился Ауэрбах, кивая.

— И у меня возникло желание... не совсем скромное, может быть, но вы должны понять маленькое тщеславие женщины.

Она покраснела. Ауэрбах распушил бороду, развел руками:

— О чем разговор? Кто платит за музыку, для того и все оркестры играют. Не смущайтесь. Говорите. Слушаю.

— Я хочу,— скромно потупилась Надежда Михайловна,— чтобы завод назвали НАДЕЖДИНСКИМ, а сам город — НАДЕЖДИНСКОМ...

Теперь город Надеждинск называется Серовым (в память о летчике А. К. Серове). В январе 1896 года старый Богословск начал прокатку рельсов, хотя столичные газеты каркали, что ничего не получится, что Ауэрбах фантазер, а Надеждинские заводы сорвут все планы укладки рельсов вдоль Сибирской магистрали.

— Никакой прогресс невозможен,— утверждал в эти дни Ауэрбах,— если в людях не развито чувство гражданского долга, а главной пружиной активности человека всегда есть и будет его бескорыстная любовь к Отечеству...

В ЭТИ ЖЕ ДНИ Надежда Михайловна Половцева вознаградила Ауэрбаха премией в 125.000 рублей. Эти денежки «плакали» для Софьи Павловны, сразу отложенные супругом для другого дела.

— Догадываюсь, тебя потянуло в Бахмут,— сказала жена.

расте, который заставляет меня спешить, и вы, дражайшая Надежда Михайловна, не пытайтесь удерживать меня. Лучше расстанемся друзьями...

Расстались. Но Миненкова он уже не отпускал от себя:

— Ты первым начал, вот и надрывайся заодно со мною. Если ранее годовое потребление ртути Россией не превышало четырех тысяч пудов, так давай, братец, и мы станем пока придерживаться в добыче ртути именно этой цифры...

Русский рынок получил свою ртуть, но дешевизна ее добычи заставила Ауэрбаха думать о вывозе ее на рынок европейский, вступая в единоборство с ртутью испанской и австрийской. От завода протянулись подъездные пути — и ртуть, коварная и обольстительная, словно порочная женщина, тяжело и густо, переливаясь фальшивым серебром потекла за границу. Уже в 1897 году Александр Андреевич получил 37.600 пудов ртути.

Успех! Первый в России ртутный завод под Бахмутом доставил ему ордена, почет и чин действительного статского советника, приравненный к званию генеральскому.

— Боже мой,— хохотала жена,— помнишь ли тот забавный пикник с Берсами и Львом Толстым в ночном лесу, когда ты, безумец, хотел поджечь стог сена в мою честь? Разве думала я тогда, что ты сделаешь из меня генеральшу? Ведь живи я в былые времена, и я бы имела право ездить на шестерке лошадей с форейтором, орущим благим матом: «Пади, пади, пади!..»

Газеты России не забыли отметить «коронацию» нового короля — ртутного! Ауэрбах сразу остудил веселье жены:

— Я вынужден взять из Госбанка ссуду в полмиллиона рублей, а чтобы гасить проценты, мне предстоит потесниться, образуя акционерное общество «А. А. Ауэрбах и К°»...

ГЛАВНЫЙ пакет акций он удержал при себе. Наверное, Ауэрбах вышел бы победителем из любых финансовых передряг, если бы не война с Японией и не забастовки на транспорте. Война забрала для своих нужд почти весь подвижной состав железных дорог, а стачки путейцев завершили паралич ртутного завода. Он взывал к правительству, чтобы ссудило хотя бы триста тысяч рублей — ради спасения завода. Но денег не дали, и он спустил пакет акций по дешевке, униженный этим, а те, которым достались его же акции, заставили Ауэрбаха еще более потесниться.

— Что же теперь с нами будет? — тревожилась жена.

— С вами? Не знаю. Зато со мною все уже ясно: из кресла председателя акционерного общества я вынужден перебраться на колченогий и шаткий стул рядового члена правления...

Наконец, неизбежное случилось.

— Я... разорен,— объявил Ауэрбах жене.— Наше счастье, что сыновей успели поставить на ноги, а мы... Не лучше ли утешиться сознанием, что когда-то я был «королем»?

— Что же осталось нам? — тоскливо спрашивала жена.

— Не огорчайся! В этой чудесной жизни все закономерно, и впереди нас ожидает прекрасная пора осеннего увядания. Надо обязательно предупредить сыновей, чтобы не теряли времени на пустяки, чтобы поторопились, ибо жизнь человеческая коротка...

Читатель, советую еще раз глянуть на портрет Ауэрбаха, исполненный его большим другом — передвижником Н. А. Ярошенко: чувствуете, сколько ума, сколько энергии заключено даже в позе этого беспокойного человека, а в ворохе деловых бумаг на его столе затаились конторские счеты, чтобы сначала подсчитывать победные прибыли, а потом с небывалым презрением откидывать треснучие костяшки убытков...

Александр Андреевич Ауэрбах скончался в 1916 году.

Мне очень хорошо запомнились слова Ауэрбаха:

— ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА — ЧЕСТНО ИСПОЛНИТЬ ДОЛГ ПЕРЕД СВОИМ НАРОДОМ И ПЕРЕД СВОИМ ОТЕЧЕСТВОМ...

Рисунок Д. Агаева.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Чужая радость, как своя

Открывали ту гостиницу без оркестра, радостно-возвышенных речей и разрезания алой ленточки. Событие заинтересовало лишь мэра Казани, председателя райисполкома да нескольких журналистов. Все прошло по-домашнему обыденно: хозяин гостиницы Асгат Галимзянов поздоровался с нами, пустил в дверь кошку и сказал:

— Ну что ж, идемте, поглядим, как будут жить постояльцы...

Событие, действительно, может быть, не заслуживало внимания широкой общественности: гостиница «Ял» (в переводе с татарского означает «Отдых») представляет собой двухэтажный дом, способный приютить всего-навсего сорок приезжих. Не гостиница — гостиничка... Но есть у этого события большое нравственное значение, которое не зависит от малой этажности нового жилищно-коммунального предприятия.

...ПОЛГОДА назад ветхую деревянную двухэтажку, что стояла в запустенье на болотистом месте в тихом городском тупичке, собирались пустить на слом. Асгат Галимзянов, человек пенсионного возраста, упросил местные власти отдать ему развалюху и, вложив в дело 50 тысяч рублей из личных сбережений, превратил бросовый объект в уютный гостевой дом. Деньги пошли главным образом на материалы. Все строительные работы вела «троица» Галимзяновых: братья Асгат и Талгат и сын Асгата — Радик. Иногда, правда, помогали расчетливые шабашники, чаще — люди без корысти.

Все отделано с хозяйским старанием. Больше всего меня почему-то тронули тут скворечники, поднятые на высоких шестах. Окрашенные в голубой цвет терема для птиц смастерил сам Асгат. С полсотни, наверное. Создают настроение бирюзовые наличники на фоне свежевыструганной реечной обшивки.

Для кого и для чего так усердствовал Галимзянов?

— Две цели держал в голове, когда затевал дело,— отвечает Асгат-абый.— Во-первых, двухэтажка стоит неподалеку от рынка, который не имеет своей гостиницы. Люди ночуют где попало, порой даже на улице. Им негде хранить свой товар. На неудобствах наживаются дельцы окрестных домов. Вот я и решил: пока ни у кого не доходят руки до торговых людей, обустроить гостевой дом. Цену за проживание невысокую берем, есть у нас стоянка для машин, склады. Начинаю копать бассейн, уток пущу. Скверик разобью...

— Выходит, «Ял» — частная гостиница?

— Частная, если бы выручка шла в мой карман,— улыбнулся собеседник.— А мы свои сборы направляем сиротам, в дома ребенка. Это главное, что меня подтолкнуло к обустройству гостиницы. Но а откуда у меня такие большие деньги, вся округа знает...

ВПЕРВЫЕ Асгат-абый потянулся к сиротам около десяти лет назад. Однажды на глаза попалась статья об одном из домов ребенка: в комнатах как следует не протоплено, стены мокнут, игрушек не хватает. Сильно расстроился тогда Асгат. уж где-где, а тут-то тепла и уюта надо бы прибавить. А тут еще бабушка Камиля, царство ей небесное, подлила масла в огонь: ударилась в воспоминания о своем безрадостном детстве — оно тоже прошло в сиротском приюте. Сама расплакалась и внука чуть не довела до слез. Бездействовать после этого Асгат уже не мог: взял из комода триста рублей, на которые собирался справить себе пальто, и отправил денежный перевод в тот самый дом ребенка...

Спустя какое-то время Асгат побывал там. Рядом с приютом— обычный детский садик, и Галимзянову довелось быть свидетелем горькой картины. Сироты глядели через решетчатый забор, как их счастливых сверстников уводили и уносили на руках папы и мамы. Долго-долго Галимзянов не мог забыть сиротские глаза. И принял тогда перед своей совестью обязательство: всегда помогать несчастным малышам — как сможет и чем сможет. Пока силы не оставят.

Непростое обязательство взял Асгат. Никакого наследства у него не было. Работал он тогда возчиком райпищеторга. Получал меньше 100 рублей в месяц. По нынешним ценам — на две хорошие игрушки только-только хватит. Жена — инвалид первой группы. У сына Радика заработок на уровне отцовского— тоже возчиком работал. Дочка Ляля на швейной фабрике в ученицах ходила — невесть какой приварок к семейному бюджету. Вот и получалось, что при всех щедротах души Асгат мог наведываться в детский дом с двумя-тремя килограммами конфет и по штуке раздавать ребятишкам.

Это ему, Асгату, в пору своего военного детства, не то что шоколадной конфетки — кусочка сахара редко перепадало. Откуда взяться сладостям в горькую годину? Отец был на фронте, у матери на руках шестеро детишек. Дождались с фронта отца — легче не стало: привезли из госпиталя едва живого.

Когда Асгат решил взять под свою опеку Дом ребенка, он стал искать способы заработать средства для помощи сиротам. Его тесноватая квартирка в ту пору находилась неподалеку от центрального колхозного рынка. Это обстоятельство натолкнуло на мысль: собирать там пищевые отходы и использовать их для пользы дела.

Галимзянов купил с десяток поросят, стал откармливать их отходами с базара. Сарая в городском дворе не было, так что живность пришлось размещать в подвале своего дома. Года через три соседи городского «фермера» написали жалобу: нет по ночам покоя от шумного хозяйства Галимзянова. Власти посмотрели «мини-фермы» Галимзянова и предложили подыскать ему для откорма животных другое место. Галимзянов нашел его на заболоченном пустыре, среди холмов из мусора. Когда отстроился, поехал в пригородные хозяйства за бычками для своей фермы. Но руководители хозяйств не торопились заключить с ним договор: посторонний городской человек, да и условия ставил явно невыгодные — вырученные от сдачи откормленных бычков деньги будут идти в распоряжение Казанского дома ребенка. Но приезжий был настойчив:

— Кормов я с вас не потребую, разве зимой немного поможете, мясо пойдет государству, на общий стол, продукция будет засчитываться на ваш план — что же вас тут не устраивает?

Знали бы сельчане, как достались большие привесы, когда он собрал на своей ферме 40 первых бычков. Тележка на резиновом ходу, коса, вилы, лопата—вот и вся механизация.

Уму непостижимо, сколько он успевал сделать за день. Не тратя времени на перекуры, а тем более на кружку пива или на что-нибудь погорячее, возчик пищеторга зарабатывал для своих маленьких подопечных и за воротами своей фермы. Увидит на базаре груды разбитых ящиков из-под фруктов — соберет их, починит и сдаст: «У нас же деньги под ногами валяются...»

ОТ ИМЕНИ Асгата Галимзяновича Галимзянова в дом ребенка поступило около 70 тысяч рублей. Не выигранных по счастливому лотерейному билету, а своих, кровных. Когда об этом написали в местной газете, наряду с письмами-восторгами, письмами-одобрениями благотворительной деятельности казанского возчика в адрес Галимзянова хлынул и поток откликов-недоумений, даже осуждений. Нужны ли, дескать, деньги детям, о которых у нас так заботится государство? У малышей-сирот всего в достатке, к чему же еще копейки подвижников-одиночек? Зачем зря надрываться? Тем более, у самого фермера дом не полная чаша. А детям Галимзянова собственным— что им оставит родной отец в наследство?

Радик, когда принес свою первую получку — невеликий заработок возчика,— подошел к отцу, протянул тридцатку и сказал: «Будешь посылать деньги детишкам, пошли и эти тоже».

Галимзянов, не раздумывая, переводит чужим детям сразу 3—4 тысячи рублей, заработанных тяжелейшими трудами. Ни разу не соблазнился на «толкучке» купить модные джинсы своим детям за двести рублей. Асгат-абый согласен с теми, кто утверждает: государство дает детям все, что нужно. Но добавляет: государство дает самое необходимое. А Галимзянов стремится дать им сверх того, что положено, или лучше того. Без мебели, к примеру, и до добровольных взносов Галимзянова не оставался дом ребенка. Но вот получили перевод от возчика и заменили грубые серые столы и стулья на расписанные «под хохлому» — и засветились детские лица. Повесили на стены картины, купленные на средства Галимзянова, постелили ковровые дорожки, установили в игровом зале пианино. Пригодились деньги Асгата и на то, чтобы хоть немножко избежать однообразия в посуде, в праздничных костюмах.

Ленинский райком комсомола города Казани наградил возчика за благотворительную работу с сиротками почетной грамотой. Порадовался Галимзянов такому вниманию. Но он испытал бы радости, наверное, куда больше, если бы сами комсомольцы дружно взялись, скажем, за благоустройство той же территории Дома ребенка или поправили покосившийся забор его фермы. Ведь ему приходится платить помощникам-шабашникам буквально за каждый гвоздь. При мне, например, Асгат-абый рассчитался за выточенный на заводе стяжной болт — выложил токарю десятку...

Он чуток к любой беде. Случилась авария в Чернобыле — 10 тысяч рублей семьям пострадавших отправил. Дошла весть о сходе лавин и наводнениях в Грузии — опять заспешил на почту. Имя казанского возчика знают ребята из интернациональной школы-интерната имени Стасовой в городе Иванове...

Иные, правда, рассчитывают спекульнуть на доброте Галимзянова. «У меня сгорел дом,— пишет один в Казань.— Не могли бы вы, Асгат-абый, помочь мне деньгами?» Другой сообщает из мест, не столь отдаленных: «Меня осудили несправедливо на большой срок, а дома осталась жена-инвалид с тремя детишками. Посочувствуйте нашему горю, сердечная душа, Асгат-абый. Вышлите хотя бы тысячу рублей. Век буду помнить вас и молиться за ваше здоровье».

Он откликался и на такие письма. Хотя чуял сердцем в них фальшь. Сейчас редко отвечает на частные просьбы. Но несколько строчек все же черкнет очередному просителю, посоветует, как при его беде выйти из трудного положения.

...ПРИ открытии гостиницы «Ял» бросилась в глаза деталь: на вывеске не указана ведомственная принадлежность нового жилищно-коммунального предприятия. «Отдых» — вот и вся информация. Не знаю, насколько это реально, но мне пришла в голову мысль обозначить ведомственную принадлежность таким образом: «Гостиница «Ял». Построена на средства благотворителя Асгата Галимзянова». А почему бы и нет?

Может, в ком-нибудь из гостей, приезжающих в Казань «делать деньги», подобная вывеска шевельнет добрые чувства?..

Н. МОРОЗОВ.
(Корр. «Правды»).
г. Казань.

Даю установку: вы талантливы!

Представьте себе два-три десятка, к примеру, Кашпировских, собранных в одном кабинете, и вы поймете, как нелегко было вашему корреспонденту взять у них интервью и при этом не поддаться гипнозу лучших гипнотизеров СССР и США, которые впервые собрались вместе для того, чтобы...

ЗДОРОВЬЕ БЕЗ ТАБЛЕТОК

— Чтобы узнать, чего достигли, чем можем помочь друг другу,— считает гость, президент американской ассоциации по клиническому гипнозу Александр Левитан.

— Для того, чтобы в тысячный раз сказать себе и людям удивительно точную «банальность»: болезнь легче предупредить, нежели излечить,— настаивает директор Всесоюзного НИИ профилактической медицины Минздрава СССР, профессор Рафаэль Оганов.

А вот мнение доктора психологических наук, зав. кафедрой общей психологии МГУ Олега Тихомирова:

— В течение многих лет в наркоз заменял гипнозом. Я лично провел 28 таких операций, но безо всякого журналистского шума вокруг них. Дело в том, что, когда организм больного не приемлет определенную анестезию, очень хорошо работает гипноз. Особенно во время глазных операций,— наблюдается малая потеря крови. Это вообще характерная черта гипноза — работа «малой кровью»

— Сколько человек насчитывает ваша ассоциация?

— Четыре с половиной тысячи, самая большая ассоциация США.

Вопрос Райкову:

— А у нас?

— А у нас такая ассоциация ...мы перевели на русский язык и издали около 4 тысяч иностранных изданий по психологии, то начиная с сорокового года перевели лишь одного француза, психолога Шертока, которого нельзя даже считать французом, поскольку он говорит по-русски так же, как мы... Поэтому перестройка в области психологии не могла не начаться с сеансов «телеоздоровления», «с заряженных» вечерних газет. Как говорится, не переболев, не выздоровеешь. А оздоровление необходимо всем нам. Вот почему я смею утверждать, что гипноз— это не что иное, как форма творческого переживания человека.

Остается добавить, что эта

КУЛЬТУРА

ВЕСЕЛАЯ ГОСТИНАЯ

Открытое письмо экстрасенсу, телепату и телекинетчику Юри Геллеру

Уважаемый господин Юри Геллер!

Недавно весь советский народ и все прогрессивное человечество были поражены Вашей остановкой часов на Биг Бене!

Но еще больше весь советский народ и все прогрессивное человечество были изумлены, когда Вы взялись за обратное и попробовали запустить неработавшие механизмы!

В связи с этим сообщаем:

1) после Вашего телевизионного воздействия в нашем городе был действительно запущен механизм торможения экономики (см. прилагаемые стат. данные);

2) за время, последовавшее после Вашего телеприказа, в городе также были

— Чтобы узнать, чего достигли, чем можем помочь друг другу,— считает гость, президент американской ассоциации по клиническому гипнозу Александр Левитан.

— Для того, чтобы в тысячный раз сказать себе и людям удивительно точную «банальность»: болезнь легче предупредить, нежели излечить,— настаивает директор Всесоюзного НИИ профилактической медицины Минздрава СССР, профессор Рафаэль Оганов.

А вот мнение доктора психологических наук, зав. кафедрой общей психологии МГУ Олега Тихомирова:

— В течение многих лет в нашей стране шел сеанс «массового гипноза». Мы не заметили, что, думая о нашем обществе как о сугубо рациональном, вторгли его в иррациональное. Породили сверхъестественную веру в «светлое будущее». И сегодня, когда мы избавляемся, пытаемся избавиться от многих гипнотических наваждений подобного рода, нужно помнить о необходимости профессионального подхода к этому делу.

А теперь слово инициатору этой встречи доктору В. Райкову, в просторечии «Леонидычу», а в Миланском университете — профессору гипноза.

Вот серия рисунков, подтвержденная документально. После нескольких сеансов у Райкова студенты-«технари» всерьез занялись искусством, начали весьма неплохо рисовать, сочинять.

Или вконец необычное, непривычное даже. Во время его сеансов взрослые «впадают в детство», чувствуют себя чуть ли не грудными младенцами. Много ли проку от такого, с позволения сказать, омоложения? Оказывается, весьма. Припомните, как в детстве быстро зарастают болячки. Быстрее, чем у взрослых. Вот и во время сеансов «омоложения» происходит заметное оздоровление. Попросту говоря, пришел человек после инсульта — руку поднять не может, а уходит, чуть ли не размахивая этой рукой. Или вот мать привела дочку на гипноз, а выздоровела заодно и сама, прошли боли в позвоночнике.

Один за другим выходят вчерашние больные и делятся: прошла аллергия на цветение трав; раньше был соней, а сейчас стал меньше спать и всегда настроен по-боевому.

Группа ребят из Куйбышевского колледжа специально приехала к Райкову, чтобы повысить свой коэффициент полезного действия. Приехал и двоечник, которого хотели было отчислять из школы, а теперь никуда, естественно, не отпустят — другой человек!

И чтобы уж завершить «чудесный» перечень, одна из пациенток Райкова запела перед гостями по-испански, по-немецки, по-английски. А после сеанса на вопрос, где научилась так прекрасно петь, ответила честно, что... не поет.

Остается добавить, что я наблюдаю не эстрадный концерт, и не телевизионный вариант всесоюзного оздоровления общества, и что заморских профессионалов, как говорится, «не обдуришь». Поэтому разговаривать будем предельно жестко.

Профессор А. Левитан:

— Я слышал, что с год назад у вас громыхнула по телевидению «невиданная» операция с операцией без наркоза — под гипнозом. Я лично провел 28 таких операций, но безо всякого журналистского шума вокруг них. Дело в том, что, когда организм больного не приемлет определенную анестезию, очень хорошо работает гипноз. Особенно во время глазных операций, наблюдается малая потеря крови. Это вообще характерная черта гипноза — работа «малой кровью».

— Сколько человек насчитывает ваша ассоциация?

— Четыре с половиной тысячи, самая большая ассоциация США.

Вопрос Райкову:

— А у нас?

— А у нас такая ассоциация только создается. Понимаю, что рискую навлечь лавину писем и телефонных звонков, и все-таки рискну сообщить свой телефон для этих целей: 927-03-76.

Американские гипнотизеры удивлены: чем будет вызвана лавина писем и телефонных звонков?

Отвечает профессор О. Тихомиров:

— Дело в том, что недоразвитая наша медицина не терпит пустоты. Естественно, что пустота эта немедля заполняется верой в чудеса. И вообще, в любое «смутное время» на Руси наблюдался всплеск активной веры в сверхъестественное, в колдунов и прочих...

— Тогда позвольте, Олег Константинович, вопрос напрямую. Кто они, наши новомодные лекари — шарлатаны или божества?

— Ответ лежит посредине. Людям скучно — хочется чуда. Если Чумак **МОЛЧАЩИМ МАГНИТОФОНОМ** «заряжает» людей, значит...

— Значит, что?

— Звонит мне тетка: «Олег, я видела Чумака, у меня колени перестали болеть...» Я и отвечаю ей: смотри, мол, тетя Зина, и дальше. Глядишь и вовсе полегчает...

— И вы считаете, что брать по 60 рублей за несколько сеансов, это дело?

— Вопрос оплаты лежит на совести самого «лекаря». Я задеваю только психологическую сторону вопроса. У нас полно слушающих, но не слышащих. Смотрящих, но не видящих. И не только сейчас — это всегда так. И вот это чудо перехода от слушания к слышанию мало кого интересует. Я повторюсь: хочется чуда. И оно происходит, коли в него поверить.

В. Райков:

— Практически по сей день наша психотерапия находилась в загнанном состоянии. Что подтверждается, к слову, и цифрами. Если с 1890 года по 1940-й мы перевели на русский язык и издали около 4 тысяч иностранных изданий по психологии, то начиная с сорокового года перевели лишь одного француза, психолога Шертока, которого нельзя даже считать французом, поскольку он говорит по-русски так же, как мы... Поэтому перестройка в области психологии не могла не начаться с сеансов «телеоздоровления», «с заряженных» вечерних газет. Как говорится, не переболев, не выздоровеешь. А оздоровление необходимо всем нам. Вот почему я смею утверждать, что гипноз — это не что иное, как форма творческого переживания человека.

Остается добавить, что эта встреча советских и американских специалистов-психологов совпала по времени с очередным днем работы то ли сессии, то ли съезда. Вечером — очередная трансляция. Страна прилипнет к телевизорам. Останкинская «телеигра» впрыснет очередную порцию мнений и сомнений — поистине небывалый сеанс. Что думают по этому поводу профессионалы-психологи?

Ответ неутешителен. Ученые не знают лабораторий, где бы «отслеживались» эффекты влияния на психику человека от показа крупных общественно-политических мероприятий. А ведь подобные сеансы порождают не только веру в «общечеловеческие ценности», но и вносят определенную смуту, сеют неуверенность, чрезмерно политизируют телезрителей, многим из которых хочется вечером просто поразвлечься, отойти от дел. Пока же, повторимся, крупнейшая и сложнейшая акция наших дней обходится без помощи профессионалов в этой области, без психологов.

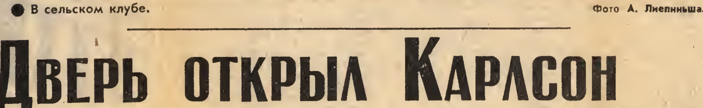
— В итоге,— завершает профессор О. Тихомиров,— люди очень остро реагируют на противоречия между лозунгом и реальным поведением многих телепарламентариев. Надо же это все «отслеживать». Если не в специальных лабораториях, то хотя бы на уровне здравого смысла. Ведь надо же было подумать о возможности паники среди населения после одной только фразы — «повышение цен». Дальше многие попросту слушать не стали — побежали по магазинам. Это — отражение многолетней тенденции недооценки человеческого интеллекта, разума.

...Вот так от исцеления одного человека к оздоровлению всего человечества и двигалась эта встреча. Суммируя ее итоги, нужно сказать следующее. У нас крайне мало «кашпировских» и «чумаков». Еще меньше истинных профессионалов в этой сложнейшей из отраслей. Если психологические установки наших новых, популярных лекарей нацелены все-таки на Добро с заглавной буквы, то многочисленные «установки», звучащие с экранов телевизоров и на митингах, сориентированы еще на разрушение, а не на созидание. Даже отбросив политику, увидишь, что стране нужна крепкая «установка» на Созидание...

— С одним из ваших крупнейших психологов я уже заочно знаком,— улыбнулся на прощание руководитель американской ассоциации.— Если бы Горбачев жил в Америке, он бы сделал у нас прекрасную карьеру...

Н. КРИВОМАЗОВ.
г. Москва.

В сельском клубе. Фото А. Лиепиньша.

Дверь открыл Карлсон

«Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинныйчулок»... Эти и многие другие книги Астрид Линдгрен, адресованные детству, знают, любят едва ли не в каждой нашей семье...

Писатель Анатолий АЛЕКСИН был недавно в гостях у знаменитой детской писательницы. Мы попросили Анатолия Алексина рассказать об этой встрече.

— С чего началась ваша беседа?

— Астрид вспомнила, что в день 80-летия решила побывать в доме своего детства. Дверь ей открыл мужчина, которого звали Карлсоном. По профессии он кровельщик. В городе его так и зовут «Карлсон, который живет на крыше».

— Сказка встретилась с жизнью. Так бывает у лучших авторов детских книг.

— Разумеется... Астрид Линдгрен — неуемная фантазерка, выдумщица. И тем яснее, пронзительнее ощущает реальности нашего мира. Вообще мы с ней сошлись на том, что хороший человек всегда сберегает в себе детство: в способности восхищаться, в походке, в улыбке, в жажде удивлять окружающих... Когда же видишь плохого человека, то изумляешься: неужели такой, простите за выражение, «гад» был когда-то ребенком.

— А был, наверное, день, час, год, когда можно было что-то изменить в уродливом, патологическом развитии такого характера. Большинство из нас абсолютно невежественны в возрастной физиологии, в том, как меняются времена жизни у растущего человека. И это при том, что русская и советская классика дала миру книги-откровения о счастье и драме взросления.

— Согласен... Человек шестидесяти лет отличается от пятидесятилетнего только тем, что у него может хуже обстоять дело с сердечно-сосудистой системой и вообще со здоровьем. Но человек семи лет и двенадцатилетний — это два разных человека, два разных мира. В этом возрасте каждый год — как эпоха. Думаю, Лев Толстой, желая подчеркнуть именно это, и назвал свою великую трилогию «Детство». «Отрочество». «Юность». Астрид Линдгрен убеждена, что настоящий детский писатель должен быть и профессиональным педагогом.

В былые времена недоброй памяти так называемая «педагогическая критика» требовала, чтобы детские писатели бросали в литературную почву лишь семена «благости». Я именовал эту «критику» самозванкой, потому что она имела обыкновение высказываться от имени всего учительства страны. «Педагогическая критика» требовала, чтобы писатели стояли перед ее очами «по стойке смирно».

По требованию сей «шкрабской» критики в произведениях для детей все мужчины и все дамы были существами «приятными во всех отношениях» (уж родители и учителя безусловно).

В Швеции, как заметила Астрид Линдгрен, и сейчас есть поклонники «дистиллированной» детской и юношеской литературы. Но настоящая литература, конечно, их требования игнорирует.

— Вы рассказали Астрид о том, что в Москве идут пьесы по мотивам ее повестей?

— Она не только знает, но и видела эти талантливые спектакли... И считает, что наши детские театры процветают. Я промолчал... Потому что на самом то деле многие режиссеры фактически отобрали ТЮЗы у детей и сделали их такими, что в пору повесить вывеску: «Зрители до шестнадцати лет не допускаются». Кстати, подобные предупреждения существуют в реальности.

— Насколько мне известно, определенные трудности возникли и с изданием детских книг.

— Признаюсь, что и ее интересовал этот вопрос. У наших детских издательств взрослые дяди и тети отобрали огромное количество бумаги. Зато «гороскопам», «расшифровкам ночных снов» и откровенно порнографическим изданиям дорога открыта!.. В «Правде» недавно с гневом писала об этом директор издательства «Детская литература», созданного М. Горьким. Напомню, что даже в годы войны на книги для детей и на учебники «руку не поднимали».

— Вы приезжали по приглашению Линдгрен? Или была и какая-то деловая цель?

— У меня было почетное и приятное поручение. Как президент Советской ассоциации «Мир — детям мира» я вручил Астрид Линдгрен нашу медаль имени Четырех Девочек. Четыре Девочки — это Таня Савичева, погибшая от фашистского безумия; Садако — из Хиросимы, погибшая от ядерного безумия; Анна Франк, погибшая от шовинистического безумия; и Саманта Смит, ставшая символом стремления юных граждан всех стран к братству и взаимопониманию.

— Как отнеслась Линдгрен к этой награде?

— Искренне порадовалась. «В моих глазах,— сказала она,— это будет одним из добрых знаков советской перестройки».

Вел беседу
О. МАТЯТИН.

За сенсацией в... XVIII век

Директор международного культурного центра США в Мемфисе Джеймс Броутон, заведующая русским отделом Эрмитажа Галина Камелова, американские дизайнеры, художники, фотографы закончили большую работу. Уточнили детали монтировки экспонатов Эрмитажа, которые впервые отправляются в Америку.

— Мемфис вновь станет центром международной сенсации, как это было недавно, во время выставки из Египта «Великий Рамзес», которую посетили 9 миллионов человек,— сказал Джеймс Броутон.— Думаю, ленинградский культурный десант в Америку соберет еще больше поклонников русской истории. Необычайная выставка в Мемфисе — это грандиозная премьера совместного советско-американского предприятия «Эрмитаж», созданного в апреле прошлого года.

— Почему вы обратились к экспонатам XVIII века, к периоду правления императрицы Екатерины Великой?

— В Мемфис отправляются 260 экспонатов, большая часть которых десятилетиями хранится в запасниках,— рассказывает директор совместного предприятия Г. Горкуша.

Ю. ТРЕФИЛОВ.
г. Ленинград.

народ и все прогрессивное человечество были поражены Вашей остановкой часов на Биг Бене!

Но еще больше весь советский народ и все прогрессивное человечество были изумлены, когда Вы взялись за обратное и попробовали запустить неработавшие механизмы!

В связи с этим сообщаем:

1) после Вашего телевизионного воздействия в нашем городе был действительно запущен механизм торможения экономики (см. прилагаемые стат. данные);

2) за время, последовавшее после Вашего телеприказа, в городе также были запущены:

а) санитарно - просветительная работа,

б) воспитание подрастающего поколения,

в) борьба с организованной и неорганизованной преступностью,

г) ремонт и строительство дорог,

д) а кроме того — озеленение природы!

Учитывая вышеизложенное, позволим себе предъявить Вам требование о незамедлительном возмещении причиненных убытков.

В случае Вашего отказа весь советский народ, проживающий в нашем городе, а также все прогрессивное человечество будут вынуждены обратиться к остальной части прогрессивного человечества за соответствующей помощью.

От имени и по поручению: Иванов — предисполкома, Петров — 1-й секретарь горкома, Сидоров — начальник часовой мастерской.

Евг. ТАРАСОВ.

Улыбка художника

Рисунок В. Луговкина.

Миниатюры

МИТИНГОВАЯ ЭПОХА

Все больше призывных
идей,
ораторов уйма искусных...
Как много прекрасных
идей
сгорает в огне дискуссий!..

О НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Идеи отличные,
об этом не спорю я,
но сколь непрактичны
иные теории!..

ИНЕРЦИЯ ПРОШЛЫХ ВРЕМЕН

Его доводили до точки,
но он был из прошлого
родом
и все на начальника бочку
катил... разумеется,
с медом.

Э. ВОСАРАТ

● В сельском клубе.

Фото А. Лиепиньша.